

Валентин ПИКУЛЬ:

«Люблю сильную личность»

Страница - 1987 - 17 мая

Творческий путь Валентина Пикюля не прост. Самостоятельность взгляда на исторические события нередко вызвала не только возражения, но и ограничения на публикации романов. Но писатель остается верным себе, верным принципам тех, наиболее ярких своих литературных героев, которые привлекают нас твердостью, незаурядностью, цельностью натуры. Своими мыслями о воспитании характера, становлении личности, о том, какое место в системе духовных ценностей советского человека занимает чувство патриотизма, писатель поделился в беседе с нашим корреспондентом.

— Валентин Саввич, с вашей биографией читатели знакомы по предисловиям к книгам, из телевизионного интервью. Но это — биография внешняя. Хотелось бы поговорить о биографии внутренней, о становлении характера, личности. Не могли бы вы назвать людей, которые оказали на вас наибольшее влияние — примером, советом, поддержкой — начиная с юности...

— Юности-то у меня и не было. Зимой 1942 года, едва оправившись от последствий ленинградской блокады, я на Соловецких островах в 14 лет дал воинскую клятву — единственную в своей жизни присягу, которой останусь верен до конца своих дней. С благодарностью вспоминаю своих воспитателей — офицеров эсминца «Грозный». Боевой корабль — суровая школа, много с меня требовали, но, как понял я позже, многое мне, подростку, и прощалось.

После войны, когда начал писать, наиболее сильное влияние оказали четыре человека, люди широко и самостоятельно мыслящие, сильные духом, натуры возвышенные и стойкие. Первый — Н. Ю. Авраамов, старый офицер еще царского флота, большой специалист в области морской практики. Затем — редактор моей первой книги А. А. Хржановский. Он преподавал мне уроки честного отношения к литературному труду, любовь к нестандартному мышлению, умения оставаться самим собой, не обращая внимания на кривотолки. Часто вспоминаю профессора С. Б. Окуня, возглавлявшего кафедру истории при Ленинградском университете. Мы с ним спорили, во многом наши мнения расходились, но он всегда защищал меня перед редакторами — перестраховщиками, говоря: «Автор имеет право думать иначе, нежели историк-профессионал. Роман — не учебник по истории. Физик или геолог имеют свое мнение о гибели Помпеи, которое вряд ли совпадает с тем, что мы видим на картине Карла Брюллова»...

Четвертым назову Л. И. Родионова, потомственного питерского пролетария, человека кристальной честности. По возрасту он годился мне в отцы и постоянно внушал: «Что бы ни случилось, хоть камни с неба станут рушиться, все равно ты обязан ишачить. Поверь мне, даже болезни отступают перед работающим человеком. В труде будешь жить долго, и нет такого лодыря, который бы мог похвалиться

своим долголетием»... Наконец, я благодарен Вере Пановой и Юрию Герману, которые, заметив меня смолodu, дали авторитетные рекомендации для вступления в Союз писателей.

— Как, по-вашему, надо закалять характер; что посоветуете современному юноше, мечтающему стать личностью незаурядной?

— Рецептов нет, есть опыт. Спартак в древности гордился совершенством тела, но не оставил после себя следов ни в философии, ни в искусствах. Мы знаем людей, годами прикованных к постели, дух которых был закален лучше, чем у того олимпийского чемпиона, что горько рыдает, если не взял планку. Я глубоко уверен: только неустанный труд души способен выковать личность. Не думайте, что я так уж люблю писать свои романы. Силой воли принождаю себя к столу, заляпанный чернилами, почти с отвращением загоняю чистый лист бумаги в машинку и, проклиная свою профессию, все-таки заставляю себя выработать первую, самую трудную фразу. А потом дело пойдет...

Чтобы стать личностью, думаю, в первую очередь необходимо образование. Это говорю вам я, человек, во многом обделенный войной, успевший получить всего пять классов средней школы. Однако в моем представлении образован не тот, кто получил аттестат зрелости или диплом института, а тот, кто всю жизнь непрестанно учится.

Бывает так: встретиться с ученым, и убедишься — хам, а поговоришь с водопроводчиком и видишь в нем аристократа духа. Интеллигентность, на мой взгляд, определяется благородством натуры, добротой, отзывчивостью души, стремлением помочь ближнему. Значимость личности теперь в обновляющемся обществе возросла. Думаю, что человек обязан оставаться самим собой, не обезличиваясь, не растворяясь в коллективе, а, напротив, должен стремиться именно выделяться...

— При всем при том есть общая черта характера, которая непременно должна быть свойственна буквально каждому — искреннее и глубокое чувство патриотизма...

— Согласен, но человеку мало одного лишь умиления березкой, кустом черемухи у отчего порога. Мы должны смотреть на свою Отчизну широко, объемно — в пространстве и во времени.

Подлинный патриотизм зиждется на глубоком понимании прошлого, ибо в прошлом мы черпаем опыт, необходимый для созидания будущего. Патриотизм — в соблюдении и развитии лучших традиций народа. Патриот, знающий много, видящий далеко, не позволит подрывать нравственные устои общества, осквернять отечественные святыни, взрывать храмы или возводить танцплощадки в местах, где упокоились предки.

Воспитание патриотизма должно начинаться с истории. Ущемить национальную гордость народа — значит лишить его веры в будущее. Вы сами знаете: никакое дерево не растет без корней, и, чем глубже корни, тем крепче дерево. Захватчики всех времен понимали значение исторической памяти оккупированного народа.

Новгородский памятник Тысячелетия России был потому так торопливо повержен с пьедестала фашистами, что они желали заставить народ забыть своих великих предков, вычеркнуть нас, русских, из всемирной истории человечества. У нас же за плечами столетия такой громкой истории, которой не надо стыдиться.

Ответ на этот вопрос хочу закончить словами Н. Г. Чернышевского: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, а его человеческое достоинство — силой его патриотизма».

— Вы говорили о фактах предвзятого отношения к истории. Что можно сказать о нынешнем состоянии преподавания истории в школе? Ведь именно на этих уроках ребята впервые всерьез соприкасаются с прошлым всего человечества, нашей Родины.

— Увы, даже я, раскрыв учебник нашей истории, начинаю зевать от скуки, что уж говорить о школьниках. Почему-то история Месопотамии или Древнего Рима у нас преподается более широко и ярко, нежели история Отечества. Во многом тут виновата вульгарная социология. Были у нас такие горе-теоретики, которые пессимизм лирики Лермонтова объясняли понижением цен на зерно, что, дескать, и настроило на унылый лад лиру поэта-помещика... История России была задвинута в самый дальний угол образования, словно одряхлевшая мебель. Если о ней вспоминали, то далее Степана Разина, Емельяна Пугачева и де-

кабристов идти как-то робели.

Память — это сильнейшее оружие. Когда в канун гитлеровского нашествия на экраны появился фильм об Александре Невском, образ защитника Отечества отложился в душах миллионов людей, вызвал к мужеству и патриотизму. Во время войны для отличия наиболее талантливых командиров были учреждены ордена с профилями Кутузова и Суворова — ими гордились. А вот появление ордена Ушакова пришлось объяснять через газеты, ибо адмирала Ушакова, к сожалению, успели забыть. На крутом переломе войны ввели погоню, и вся армия, весь флот незримо подтянулись, как бы ощутив на своих плечах полную меру ответственности и великой преемственности поколений.

Это событие застало меня еще на Соловках, и мы, мальчишки, в звании «юнга» погонами гордились, как орденами. Никогда не поверю циникам, утверждающим, что знания — это лишь красиво распахнутая материя. Нет! Патриоты погибали за Отчизну, ослепленные шестом знамен.

Для всякого честного человека личная судьба и судьба Отечества неразделимы. Хотя ситуации бывают подчас трагические. Убежден, что читатель должен знать истину, какой бы горькой она ни была. Роман «Каторга», например, повествует о том, как наряду с малочисленным гарнизоном Сахалина сами каторжане встали за оружие, дабы отстоять остров от нашествия оккупантов.

Среди множества писем я сейчас получаю и такие, в которых читатели излагают свою генеалогию лишь до бабушек и дедушек и просят меня выявить их более далеких предков. Не всегда я могу помочь в разгадке родословия. Но их чувства мне близки и понятны.

— В вашей жизни самообразование сыграло огромную роль. Но далеко не всем удается правильно организовать собственные «университеты», а нужда в непрерывном образовании становится в наше время все острее.

— Роль самообразования понята и без комментариев. А вот как лучше его организовать?.. Я не черпал знания ведром из колодца, не добывал их с потолка — все, что узнал в жизни, узнал из книжной мудрости. Поиск нужных книг и общение с умными людьми требуют времени и терпения. На это уходят годы. Я прошел весь печальный путь самоучки, пока не понял, что именно следует читать, а что можно оставить в покое, дабы не тратить драгоценного времени. Мой путь не может служить примером для других. Я долго искал верный фарватер, чтобы не разбиться об опасные рифы, не остаться с позором на мелководье, пока

не вышел на правильный курс. — И теперь сами стали для множества ваших читателей, образно говоря, проводником в глубины истории. А как для себя решаете вопрос: о ком, о каких исторических лицах нужно написать?

— Я не считаю, что историю следует подавать на золотом блюде с ароматным гарниром внушений от автора и чтобы герой обязательно был положительным. Мне нужно крепко полюбить героя или сильно возненавидеть его. Ведь иногда как раз на отрицательных примерах можно вызвать нужную тебе реакцию в читателе. Скорее выбираю не героя, а эпоху. Через мысли и поступки героя стараюсь развернуть картину эпохи.

Сейчас заканчиваю роман «Честь имею» (из Записок офицера Российского генштаба), начало которого опубликовал журнал «Аврора». Хочу поведать о том, как нелегко рождается опасность войны, и даже самые убежденные пацифисты оказываются вовлеченными в ураган, обрушивающийся на людей, совсем не готовых к опасности. Отчасти моя тема созвучна книге Н. Н. Яковлева «Август 1914 года» и книге «Августовские пушки» американской писательницы Б. Такман.

Наконец, после того как узнал подробности гибели отца в рядах морской пехоты, защищавшей Сталинград, я начал писать большой роман о жителях этого славного города. Сразу оговорюсь: битву в Сталинграде я вижу в плане большой стратегии и большой политики того периода, когда вершились судьбы всего мира. До сих пор помню знойное лето 42-го года, — как уходил на флот, а отец покидал флот, чтобы воевать на суше. Образ отца — батальонного комиссара — всегда со мной. И естественно, во время работы над романом о Сталинграде я должен был задуматься над главным трагическим вопросом тех дней: как могло случиться, что дивизии вермахта прорвались к Волге?

Многое еще предстоит переосмыслить. Писатель обязан искать пробелы в народной памяти, чтобы удалить тромбы, восстановить течение соков жизни. Если же говорить о главном герое, — мне интересен не вор из университета, не профессор или нитик, который на множестве страниц ковыряется в своей душе, ссылаясь догадаться или оправдаться — кто он такой и зачем родился? Я люблю сильную личность. Сам воспитывал свой характер в трудные и сложные времена на «Мартине Идене» Джека Лондона. Сильный человек для меня — тот, кто на пути к высокой цели ломает любые барьеры. Это и есть мой главный герой.

Беседу вел О. МЕШКОВ.

г. Рига.